

Танкер «Дербент»: Командиры - 6

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Командиры -6 б.

Перед открытием навигации в доки поступили новые теплоходы: это были серийные корабли-гиганты, предназначенные для перевозки мазута. Гребные дизели были построены Сормовским заводом и по проекту должны были развивать мощность в тысячу четыреста индикаторных сил. Однако при регулировке первого теплохода – «Дербент» – испытательный цех добился мощности всего в тысячу сил. На этом дело приостановилось.

Механик Бронников сделал доклад на совещании. Он обстоятельно сообщил о всех неполадках и высказал мнение, что проектная мощность вообще не может быть достигнута. Развернув учебник Немировского, он прочел:

– «Предельная рейсовая мощность двигателя» обычно находится в рамке семидесяти – семидесяти пяти процентов проектной...» Если уж так считает известный инженер Немировский...

С Бронниковым как-то очень быстро согласились, и, когда второй танкер показал тысячу сил, все остались довольны: большего достигнуть не удастся, дело ясное.

И вдруг третий танкер – «Агамали» – неожиданно дал тысячу триста восемьдесят сил, почти проектную мощность. Работавший на регулировке этого танкера Басов служебной запиской уведомил об этом главного инженера. Он просил еще два лишних дня для точного достижения проектной мощности и предлагал произвести дополнительные работы на сданных уже в эксплуатацию судах.

Бронникова вызвали в дирекцию. Он предчувствовал неприятный разговор и был озабочен. У причала стоял танкер «Агамали», и из гигантской трубы его взлетали к мачтам белые хлопья дыма, – это Басов добивался проектной мощности и своим упорством угрожал спокойствию и благополучию его – Бронникова. По-видимому, Басов хочет выдвинуться, получить высокий оклад. Как

бы там ни было, он был ненавистен Бронникову в эту минуту.

В столовой Бронникова остановил конструктор Бейзас.

– Слышал новость? – спросил он, и в глазах его Бронников заметил любопытство и жадное ожидание скандала. – Машины «Агамали» дотянули до проектной мощности. Выходит, что мы надували пароходство. Эх, как неудобно получилось!

К директору Бронников явился в тот момент, когда тот препирался с Нейманом.

– Ты не оправдывайся, – говорил директор запальчиво, – ты скажи прямо: обманывали пароходство? Сормовский виноват или мы?

– Спроси его, – холодно отрезал Нейман, указывая на Бронникова. – Я уже сказал свое мнение.

По дороге Бронников успел обдумать положение и подготовиться к защите. Он припомнил все неполадки, встретившиеся при регулировке машин «Дербента». Левый двигатель давал при нагрузке сто пять оборотов, правый – сто три.

– Какой может быть обман? – сказал он сдержанно. – Завод выпустил серию в спешном порядке, а как шла приемка – сами знаете. Что же удивительного в том, что двигатели имеют разную мощность?

– Однако он же вот берется довести мощность до нормальной... этот Басов, – с неожиданным оттенком недоброжелательства сказал директор. – Значит, можно? Можно, я говорю! – Директор вдруг ударил ладонью по столу и уставился на Бронникова круглыми, устрашающими глазами. – Вот он пишет о неполном сжатии в цилиндрах. Почему неполное это... как его... сжатие?

Бронников опустил голову, стараясь сдержаться. Нейман прогудел конфиденциально:

– Все это не так, Иван Данилович. Тут некрасивая история с этим Басовым, склочная история, Иван Данилович...

Но директор погас так же быстро, как загорелся. Он подумал немного, забыв отвести глаза от лица Бронникова.

– Оставить все, как есть, – сказал он устало. – Если понадобится, на «Дербенте» отрегулируют двигатели средствами команды. Не возвращать же танкер обратно в доки. – Он медленно перебирал бумаги, и Бронников с облегчением поглядел на дверь.

– Да, вот еще какое дело, – вдруг вспомнил директор, – пароходству нужен механик. На этот самый злосчастный «Дербент». Предлагают нам выделить кого-нибудь из наших, будто бы на одну навигацию, но ты понимаешь, что это значит? Да, ничего не поделаешь – освоение нового флота. Кого бы ты предложил?

Бронников пожалел, что не успел уйти. Впрочем, директор не смотрел в его сторону. Директор смотрел на Неймана. Неужели предложит послать его? Пожалуй, что так. Он регулировал машины «Дербента», и регулировал неудачно. Теперь ему неудобно отказаться. Он мысленно подыскивал мотивы отказа. У него мало практики... Два года назад у него в легких обнаружили туберкулезный очаг... Старая больная мать... Нервное переутомление...

– У нас не техническая школа, а завод, – сказал Нейман сердито, – кого мы можем послать? – Он вздохнул и посмотрел на Бронникова. – Партийца послать придется. Басова пошлем, – добавил Нейман раздельно.

Бронников тихо скользнул в дверь, приоткрыл ее, стараясь не шуметь. За дверью он постоял немного, прислушиваясь и бледно улыбаясь. Как будто директор не возражает...

Он встряхнулся и побежал в цех. На радостях он даже простил Басову пережитую неприятность. Ведь не подвернись этот чудак – неизвестно, как обернулось бы дело для него, Бронникова.

Басов изо всех сил старался казаться довольным. Стоит только до конца понять необходимость этого перевода – и всегдашнее спокойствие и ясное настроение восстановятся. Кого-то надо было послать на эксплуатацию, – выбор пал на него. Возможно, этого не случилось бы, не будь у него столкновения с главным инженером. Но тогда вместо него послали бы другого, например Бронникова, и, конечно, Басов не стал бы возмущаться и жалеть Бронникова.

Муся слушала его не перебивая. Сложила руки на коленях и поглядывала на него сбоку. Когда он умолк, она потрянула головой, словно сбрасывая с себя тяжесть.

– Как неудачно все сложилось, – сказала она сдержанно, – тебе

не везет.

Он ожидал сопротивления, упреков, тяжелого объяснения. Ничего этого не случилось. Муся выдвигала ящики комода, снимала с гвоздей одежду.

– Тебе следует собраться, – сказала она, – давай сообразим, что нужно сделать.

Она как будто и не удивилась вовсе. Молча, не обращая на него внимания, она согрела воду в кухне и поставила корыто для стирки. Басов стоял рядом, наблюдая, как стекали по ее голым рукам перламутровые хлопья пены. Теперь она была самым близким для него человеком. Он вступил в странную полосу жизни, когда всякое достижение сулило новую неудачу. Он довел до проектной мощности двигатель теплохода и из-за этого вынужден был покинуть завод. Нейман, Бронников и многие другие стали ему чужими. Вялые, бессильные люди нарочно выдумывают пределы достижений, чтобы скрыть свое бессилие. Для этого они пользуются старыми, отслужившими нормами и фальшивой наукой. Они объединяются, кричат о мнимых опасностях и остервенело защищают свой покой.

Муся вернулась в комнату и присела к окну, не зажигая огня. Она куталась в пуховый платок и поводила плечами, словно ее бил озноб. Басову хотелось утешить и ободрить ее. В сущности, у них нет никаких оснований для уныния. Разве мало во флоте знатных капитанов, механиков, штурманов? Муся хотела, чтобы он выдвинулся. Вот ему дали машинное отделение «Дербента». Главное – понять, что это необходимо. Кому-то нужно плавать на этих судах, – не ему, так другому. О чем же жалеть?

– Кончилась оседлость, – заговорил он весело, – придется лезть в недра, духов пугать. Честное слово, я даже доволен, Муся. Стоит ли отказываться от трудного дела только потому, что оно трудное? Вы будете ловить на станции наши позывные. Мы будем видеться с тобой раз в пятидневку. Да, один раз...

Муся кивнула головой молча. В темноте он не видел ее лица. Он задумался, чем бы повеселить ее на прощание. На улице теплынь, запах акаций, синий воздух на рейде. В клубе водников под звуки баяна моряки танцуют танго со студентками Индустриального института. Ему хотелось повести туда Мусю.

Луна перевалилась через плоскую крышу дома, что напротив, и по стенам поползли легкие тени облаков.

– Муська! – окликнул он ласково. – Посмотри, какая луна. Эх, и лунища!

Муся медленно подняла голову. По щекам ее катились обильные блестящие слезы. Они смачивали уголки рта и падали на грудь. Она закусила губы и вытерла глаза концом платка.

– Ты никогда не любил меня, – сказала она убежденно, – и никогда я не была тебе близка.

В комнате было так тихо, что он слышал ее прерывистое дыхание и шелест ее платья. Он дотронулся до ее плеча, но она отодвинулась.

– Но я не от этого плачу... Ты не думай! Просто мне жалко тебя, потому что ты неудачник. Зачем ты бодрисься, обманываешь себя и других? Я всегда была для тебя чем-то второстепенным. Ты сделал из нашей жизни сплошную спешку, ты жил так неуютно, точно квартирант. Сверхурочные... Готовиться к кружку... Собрание... Сон... Мы никогда не жили по-человечески. Но это все ничего, и я не говорила тебе ни слова. Ты так работал! Впрочем, работал ли ты в самом деле? Ты восстановил против себя коллектив, и от тебя постарались отделаться. Так не поступают с ценными людьми. Мне кажется, что ты неудачник, слабый, нелепый человек, прости! Тебя удалили с завода. Это – оскорбление! А ты доволен. Если бы ты хоть затаил злобу или ругался, мне было бы легче. На твое место придет другой, какой-нибудь арап или никчемник, и получит хороший оклад...

Слезы ее высохли, но голос был сырой и дрожащий, она спешила выложить перед ним все, что накопилось у нее на душе. А ему казалось, что в темноте перед ним не Муся, а посторонняя женщина, глупая, равнодушная и злая. Он крикнул неистово, во весь голос:

– Замолчи!

Она посмотрела на него с испугом и подняла руки к лицу. Может быть, она думала, что он ее ударит. И вместе с этим она с какой-то странной надеждой наблюдала за ним. Он сдержался и поднес стакан с водой к ее губам. Она отпила немного и с досадой отвела его руку.

– Что ты наговорила! – сказал он грустно. – От меня отделались, это верно. Мало ли что бывает! Все дело в том, что я не давал людям покоя. В отдельных местах на заводе работают плохо, и я вижу, что можно работать лучше, гораздо лучше. Кажется, все это скоро станет понятным каждому рабочему. Пока на заводе благоговеют перед старыми нормами. Но ведь нормы составляли люди, и все изменилось с тех пор. Вот и я... Муся взглянула на него внимательно и печально. Так смотрят близкие люди на душевнобольного. Он замолчал на полуслове, словно наткнулся на стену. Может быть, и вправду они никогда не были близки друг другу?

– Сашенька, брось, – сказала она кротко, – ведь последний вечерок, милый... Еще я хотела тебе сказать... Это нефтефлот, ведь оттуда бегут даже матросы! Они скрывают квалификацию, крадут документы... Ты, верно, не знал этого. И мы будем видеться редко-редко...

Она помолчала и улыбнулась виновато и испуганно.

– Знаешь что? Меня тянет к тебе, милый, но что я могу сделать, когда ты такой... Жить хочется очень... Не сердись!

Им овладело вдруг удивительное безразличие. Мусины пальцы гладили его волосы, щекотали лицо. Он почувствовал на щеке прикосновение ее влажных губ и быстро поднялся.

– Ну что ж, мы шнурком не связаны, – сказал он равнодушно, – делай как знаешь.

Так ушел он из дому и последнюю ночь, проведенную на суше, пробродил по городу. Powestler